

- Ты ещё помнишь этот кинжал?

Вэй Тинсюй смотрела на лезвие, отражавшее холодный свет свечи. Отблеск ложился на её лицо, и в опущенных ресницах таилось что-то смертоносное.

Чжэнь Вэньцзюнь едва не прожгла кинжал взглядом насквозь, но не нашла в нём ничего знакомого. Совершенно обычный. В Суйчуане, издавна испытывавшей влияние хуских обычаев, привилось, в числе прочего, поедание сырой рыбы. Жители Суйчуаня из поколения в поколение кормились рекой Ланьчжан и орошали ею поля, и рыболовство также было частью каждодневного быта. Насколько она знала, суйчуаньцы часто носили в причёсках маленькие кинжалы - с ладонь размером: и для самозащиты в беспокойные времена, и чтобы тут же разделать выловленную рыбу. Улицы и переулки уезда Ци были полны такими медными остриями, обмотанными чёрным шнурком, - как тут угадаешь, который именно?

Чжэнь Вэньцзюнь не понимала, к чему этот вопрос. Не помнит - значит, не помнит. Она решила рискнуть: поставить на то, что Вэй Тинсюй, как обычно, прощупывает её туманными намёками. Уже набрав воздух, чтобы всё отрицать, она вдруг обнаружила: Вэй Тинсюй вовсе не ждёт ответа. Взгляд так и не оторвался от кинжала, и она сама же ответила на свой вопрос:

- Этот кинжал принадлежит А-Цзяо.

Значит, речь идёт о покушении А-Цзяо.

И правда, помимо Цзян Даочжана, личность А-Цзяо тоже должна была быть ей известна.

- А-Цзяо. Ты была с ней хорошо знакома: она долго жила рядом с тобой.

Вопрос о кинжале - лишь зондирование почвы, подумала Чжэнь Вэньцзюнь. Уж не это ли утверждение - настоящий допрос? Неужели Вэй Тинсюй давно знала, что А-Цзяо прожила с ней в старом дворике больше года? Весьма вероятно. Раз она сумела установить личности Цзян Даочжана и А-Цзяо, то и та история в старом дворике, скорее всего, давно ей открылась.

Стоп.

Чжэнь Вэньцзюнь заставила себя успокоиться и не застревать на мелочах. Мать всегда говорила, что у неё «мелкие глаза», она недалёковидная, всё путается в том, что прямо перед носом. Нужно смотреть шире.

Если бы Вэй Тинсюй действительно знала все замыслы семьи Се, она бы не привела её сюда и не назвала своё настоящее имя.

Вэй Тинсюй, судя по всему, ждала того, что она станет отрицать долгую совместную жизнь с А-Цзяо. Вот где самая опасная наживка. Стоит отпереться - и она окончательно угодит в западню.

Чжэнь Вэньцзюнь изобразила растерянность и посмотрела на неё непонимающим взглядом:

- А-Цзяо? Это кто?

Масляная лампа чуть потускнела. Сяохуа подошла подправить фитиль. Она знала: Вэй Тинсюй любит, чтобы в комнате было светло и каждый угол был виден.

В углу уголь тоже успел немного остыть. Сяохуа присела на корточки и кинжалом проткнула в

нём дырку, чтобы больше воздуха поступало в медный таз. Уголь загорелся красным, и вылетевшие искры попали Сяохуа в глаза. Та моргнула, но даже не поморщилась.

- Она притворилась служанкой и некоторое время жила в труппе. Вы несколько месяцев провели в одном дворике. - Вэй Тинсуй откинулась на кожаную спинку кресла и легко помассировала поясницу, разгоняя ломоту. - Стало быть, «долго жила рядом» - это об этом.

- Она меняла личины одну за другой, чтобы подобраться ко мне. Три года назад явилась под видом гостевого советника в особняк наместника, всюду расспрашивала о моём местопребывании. Мой отец её разоблачил, она едва унесла ноги. Не думала, что осмелится прийти снова. Она уничтожила лодку в знак непоколебимой решимости и всё же поплатилась жизнью.

Вэй Тинсуй расслабила позу, и только тогда Чжэнь Вэньцзюнь позволила себе наконец выпустить весь холодный пот.

Этот человек умеет расставлять ловушки, причём расставляет их так, что почти не видно. Идешь, идешь и вдруг понимаешь: ещё шаг - и конец. В последний миг обходишь опасное место и выясняется, что там вовсе не было никакой опасности. Настоящий расчёт Вэй Тинсуй в другом: заставить тебя обнаружить ловушку, двинуться туда, где кажется безопасно. А именно там она и наносит удар.

За то время, что горели два благовония - примерно полчаса, - Чжэнь Вэньцзюнь, казалось, постарела на несколько лет: каждое произнесённое слово приходилось взвешивать со всех сторон. К счастью, Вэй Тинсуй говорила очень неторопливо, всегда делая паузу между фразами, - это давало возможность перевести дух.

Чжэнь Вэньцзюнь молча сидела и слушала. Слишком долгое молчание тоже выглядело бы странно, и как раз когда зашла речь об А-Цзяо, она взяла небольшую паузу и приняла чашку только что заваренного чая из рук Сяохуа.

Чжэнь Вэньцзюнь понимала: вопросы, которые ей хочется задать, крайне опасны, лучше их обходить. Но порой наступать вернее, чем отступать: это скорее рассеет подозрения.

- Сестрица Тинсуй, а как вы узнали, что в труппу пробрался злодей?

Как и ожидалось: стоило ей это спросить, рука Вэй Тинсуй с чашкой чуть дрогнула, и та вскинула брови.

- Что... я слишком самонадеянна? Вы старше меня на два года - «сестрица» будет в самый раз. - Сделав вид, что совершила ужасный промах, Чжэнь Вэньцзюнь втянула плечи и жалобно съёжилась в конце стола. Дрожащее пламя лампы играло на её белом нежном личике, она выглядела очень трогательно. На самом деле это был приём: отвлечь внимание от сути.

Чжэнь Вэньцзюнь целый год проходила выучку у А-Цзяо и несколько месяцев варилась в атмосфере труппы, полной скрытых продажных женщин. Кое-что от этого легкокрылого духа к ней невольно прилипло. Когда нужно вызвать жалость, очень помогает. При виде её испуганного дрожащего облика голос Вэй Тинсуй потеплел на три тона:

- Зови меня как хочешь. Прежде тебе нравилось называть меня сестрицей.

Чжэнь Вэньцзюнь игриво прикусила губу и подумала: увидь её мать сегодня такой, она бы высекла её до цветастых синяков.

- Дело в том, что пять лет назад, когда я только вернулась в Пинцан, за мной уже следили. Эти люди - враги моего отца при дворе, они всегда хотели вырвать с корнем семью Вэй из Пинцана, уничтожить несогласных. Я была у них на прицеле.

- Но, сестрица, пять лет назад вам было всего двенадцать. Из-за чего же они могли взяться именно за вас?

- Ты помнишь год нашей встречи? Тогда я попала в беду в горах Суйдун, и хоть ты с отцом спасли меня, ноги я всё же потеряла. Когда семья привезла меня домой, они разыскивали знаменитых лекарей, поили отварами, ставили иглы, но после долгого лечения так и не добились никакого улучшения. - Вэй Тинской горько улыбнулась и, заметив, что на лице Чжэнь Вэньцзюнь проступило чувство вины, тотчас сменила тему: - До встречи с тобой, Вэньцзюнь, мать всё жаловалась, что я только и делаю, что слоняюсь с А-Ляо. Зато болезнь как-то смягчила мой нрав. Некуда было идти, оставалось только сидеть дома: читать, коротать время. Книги меня захватили. Читала я быстро и за три года одолела всё собрание. Пусть и не всё поняла до конца, но память у меня хорошая - запоминаю всё прочитанное дословно.

В то время мой отец оказался под ударом политических врагов: его обвиняли, потому что он поддерживал участие старшей принцессы в государственных делах. Ему грозило заключение, и над всем нашим родом нависла угроза. Я придумала несколько ходов, которые помогли разрядить обстановку. Вот тогда враги отца - клан Се - и обратили на меня внимание. Они прознали о существовании некоего безвестного младшего сына семьи Вэй из Пинцана - Вэй Цзычжо, - который может унаследовать дело рода и стать их самой страшной угрозой. Естественно, им захотелось убрать его прежде, чем он окрепнет.

- К сожалению, никто из семьи Се так и не догадался, что это была ловушка, которую я им расставила. На протяжении этих двух лет они беспрерывно посылали убийц, но те не могли найти даже двор, где я живу. Видя, что путь прямого убийства закрыт, они взялись за подлые способы: стали выращивать лазутчиков, чтобы обмануть меня. - Вэй Тинской вдруг посмотрела на Чжэнь Вэньцзюнь в упор, взгляд был острый: - Я больше всего презираю шпионов и предательство. Если когда-нибудь обнаружу двуличного изменника, заставлю его сполна испробовать все муки ада.

Лицо Чжэнь Вэньцзюнь окаменело.

- Перьевой веер, оставленный у А-Ляо, был вроде куска мяса, брошенного в ловушку. Я всё гадала, какую хитрость придумает семья Се на этот раз, а оказалось, вот эти двое. Вот почему я и сказала, что скучновато.

В горле у Чжэнь Вэньцзюнь пересохло. Нижнее одеяние промокло от пота и прилипло к спине:

- Значит... А-Ляо согласилась стать наживкой, чтобы помочь вам?

- Наживкой она была, но не по собственной воле. Я ни разу словом не обмолвилась ей об этом деле, она узнала лишь вчера.

Чжэнь Вэньцзюнь невольно усмехнулась:

- Выходит, А-Ляо ничего не знала.

- Она нетерпелива, а в Хуалоу у неё слишком много близких приятелей и слишком вольные порядки. Случайно проговорится - и то, что те двое готовили так долго, пойдёт прахом. Как обидно было бы! Только держа А-Ляо в неведении, можно было рассчитывать на её

естественное поведение: она, сама того не зная, помогала мне, вместе с ней заманивая людей в засаду. На этот раз убийц взяли с поличным, и я теперь в долгу перед А-Ляо. Вэньцзюнь, помоги мне придумать ей подходящий подарок.

Замыслы, ради которых люди Цинлю ставили на кон жизни, для Вэй Тинсюй - детская игра. Одна она могла вертеть всей фракцией Цинлю как хотела. А уж если к этому добавить остальных из семьи Вэй, они бы быстро опрокинули своих политических врагов. Нынешняя паника Цинлю и их отчаянные шаги, скорее всего, означают, что те и сами видят неизбежное поражение и делают последнюю ставку.

- Когда гнездо уже свито и крючок наживлен осталось лишь ждать, когда рыба клюнет. Так и вышло: явилась эта труппа. Вокруг А-Ляо крутится много всяких людей, но у всех находилась вполне законная подоплёка. После проверки под подозрением осталась одна труппа.

Чжэнь Вэньцзюнь спросила с любопытством:

- Но труппа дядюшки Ли и Третьей Госпожи Ду много лет скиталась по свету, в этом деле они давно, биографии их вроде бы чисты, разве нет? Почему же вы заподозрили именно труппу? Или... это убийцы, которых враги выращивали много лет?

- Нет. Просто в труппе слишком много народу. Проверять всех подряд слишком хлопотно. Вот их и оставили напоследок.

Чжэнь Вэньцзюнь: - ...

- Оказывается, интуиция меня не подвела. Семья Се называет себя Цинлю, а сама всегда идёт низкой дорогой. Все роли, через которые они пытались ко мне подобраться, - из самых низших слоёв. На этот раз сменили труппу на оперную, но что изменилось? Бульон другой, лекарство то же.

Но я попала в труппу после того, как меня перепродавали несколько раз подряд, - чистая случайность, думала Чжэнь Вэньцзюнь. Сорвись хотя бы одно звено в этой цепи - я бы туда не попала. А-Цзяо и Цзян Даочжан просто уехали бы со мной в другое место. Нашли бы другой случай?

Это она так и не смогла понять. Единственное объяснение: все перекупщики по дороге и Третья Госпожа Ду, так настойчиво купившая её, - все были лазутчиками семьи Се. Только так можно было обеспечить безопасный подход к Вэй Тинсюй. Нет, невозможно - задействовать столько людей сразу значило бы многократно увеличить риск провала. А-Цзяо и Цзян Даочжан дрались насмерть, чтобы отвлечь внимание Вэй Тинсюй и прикрыть её, - значит, она была очень ценной и терять её было нельзя. Поэтому доставить её к Вэй Тинсюй самым естественным путём было одновременно и самым надёжным, и самым незаметным способом.

Пока разобраться в этом не выходило, но что бы там ни было, всё случилось не силой людей.

- Итак, я приставила теневых стражей следить за каждым в труппе, и скоро обнаружила А-Цзяо в чужом обличье. Как только А-Цзяо объявилась, выйти через неё на Цзян Даочжана оказалось совсем несложно: тяни за лозу и доберёшься до дыни. Цзян Даочжан практикует «Технику трупного яда» и нуждается в женщине-«пище» - доноре, через которого рассеивается яд. Иначе яд обращается вспять и убивает его самого. А-Цзяо и была его печью для поглощения инь и восполнения ян. Ритуал требовался каждые три дня. Именно каждые три дня дядюшка Ли из труппы не мог найти носильщика одежды и сам носил вещи. Ты замечала это?

Чжэнь Вэньцзюнь и правда не замечала, она покачала головой честно:

- Совсем не обратила внимания.

- Я однажды последовала за А-Цзяо и Цзян Даочжаном в дикий лес вместе с Сяохуа. Цзян Даочжан не мог ждать, нетерпеливый: повалил А-Цзяо прямо в грязь. Сяохуа спросила: может, покончить с ними здесь? Но где же интерес вот так просто взять и убить? К тому же А-Цзяо и Цзян Даочжан, при всех их стараниях, так и не узнали, что Цзычжо девушка. Мне было жаль их отпускать в таком неведении. Прежде чем проводить их в последний путь, я просто обязана была позволить им узнать, кто я на самом деле.

Значит, ещё задолго до этого Вэй Тинсюй уже чуяла намерение убить её. Чтобы растянуть удовольствие она терпела вплоть до сегодняшнего дня...

Помнится, А-Цзяо говорила: человек наиболее незащищен в момент крайнего возбуждения. Трудно даже представить, какой шум производит четырёхколёсное кресло, катясь по земле, а А-Цзяо и Цзян Даочжан ничего не услышали. В этом раунде семья Се проиграла полностью.

Подождите... семья Се?

Чжэнь Вэньцзюнь вдруг почувяла что-то странное.

«Уловки семьи Се становятся всё скучнее».

«Семья Се называет себя Цинлю, а сама всегда идёт низкой дорогой...»

Всё, о чём говорила Вэй Тинсюй, относилось к семье Се. Она называла своего врага именно «кланом Се».

Но разве маленькая семья Се способна ей противостоять? Такой болван, как Се Тайхан, и близко не осмелился бы подойти к Вэй Тинсюй, не то что бросать ей вызов. Семья Се лишь мелкая пешка в руках фракции Цинлю. Почему же Вэй Тинсюй так высоко их ставит? Чжэнь Вэньцзюнь не могла этого понять.

- То, что мы встретились именно здесь, этого я никак не ожидала. - Вэй Тинсюй закончила тему смертельной схватки. Сяохуа подала длинный деревянный ящик. Она открыла его, и внутри оказался засохший бродячий цветок.

- Это тот самый цветок, что ты подарила мне тогда.

В благоговейном взгляде Вэй Тинсюй Чжэнь Вэньцзюнь отчётливо увидела человека, полного противоречий.

Вэй Тинсюй, такая осторожная и в то же время так дорожащая дружбой с Чжэнь Вэньцзюнь, что бережно хранила маленький засохший цветок.

Её чувства к «Чжэнь Вэньцзюнь» были далеко не обычными.

Иногда взгляд, которым Вэй Тинсюй смотрела на неё, напоминал ей выражение А-Цзяо, когда та смотрела на Цзян Даочжана.

Это было подавленное чувство - нежелание обнажать любовь. Словно быть беспощадным ко всему остальному миру и хранить всё в себе, оставляя самый сокровенный уголок в самой глубине сердца, куда никто не может войти, для самого особенного человека.

Тем особенным человеком была Чжэнь Вэньцзюнь.

Она присвоила чужую любовь, обманула чужие чувства. А-Лай должна была бы чувствовать вину.

Но не чувствовала. Ни капли.

Она сказала себе: нужно умело использовать слабость Вэй Тинсюй. Стоит человеку обрести уязвимое место - и его легко подчинить.

<http://bllate.org/book/17227/1616936>